

В. Г. ГУЗЕВ, Д. М. НАСИЛОВ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о категории числа продолжает оставаться одним из актуальнейших вопросов теоретической грамматики тюркских языков, о чем свидетельствует обилие работ по этой проблеме, появившихся за последние годы. Анализ существующих разработок этой категории показывает, что общим для них является положение, согласно которому эта категория представлена двумя формами: формой мн. числа, образуемой с помощью показателя *-lar*, и противопоставляемой ей формой без этого показателя, которая рассматривается как форма ед. (или неопределенного) числа и часто как форма с нулевым показателем. Далее детально описываются значения каждой из этих форм и делаются попытки обнаружить взаимную противопоставленность их семантики.

Признание формы без показателя формой ед. (неопределенного, общего) числа и наличия взаимной противопоставленности форм, а также утверждение, что слово без *-lar* имеет нулевой показатель (т. е. показатель ед. или неопределенного, общего числа), принимаются в исследованиях обычно без аргументации и предстают как некие аксиомы, имеющие силу применительно к тюркским языкам и лежащие в основе существующих концепций.

Признание формы без *-lar* ед. числом уживается с констатацией факта, что она может обозначать как единичный предмет, так и множество предметов¹. Противоречие, которое очевидно в такой трактовке, оправдывается обычно своеобразием семантики этой формы существительного. Представляется, что такое объяснение недостаточно для снятия указанного противоречия. Интересна попытка К. М. Любимова разрешить его путем квалификации рассматриваемой формы как формы неопределенного числа². Из способности формы без *-lar* соотноситься как с одним, так и с множеством предметов автор делает справедливый вывод, что ее никак нельзя считать формой ед. числа. Но эта ее способность в то же время, по нашему мнению, не дает оснований приписывать ей значение особого, неопределенного числа. Наиболее корректным выводом был бы, по-видимому, следующий: форма без *-lar* вообще индифферентна к количеству передаваемых существительным предметов и едва ли является одной из форм категории числа.

¹ См., например: Н. К. Дмитриев, Категория числа, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология, М., 1956, стр. 68—71; С. Н. Иванов, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969, стр. 31—48; T. K o w a l s k i, Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar*, *-lär* in den Türkssprachen, Kraków, 1936, стр. 1—2; H.-P. Vietze, Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Ges.-Sprachwiss. Reihe, XVIII, 3, 1969.

² К. М. Любимов, О числовом значении нулевой формы тюркских существительных, «Советская тюркология» (далее — СТ), 1972, 5, стр. 80—81.

Этот вывод, если он верен, поставил бы под сомнение справедливость самого противопоставления имени с *-lar* и имени без *-lar* как двух соотносительных форм категории числа; и в этой связи сомнительным оказалось бы и мнение о наличии у формы без *-lar* нулевого показателя числа.

Такие выводы могут показаться, на первый взгляд, парадоксальными, противоречащими установившимся в тюркологии представлениям. Но обнаружение противоречия между сложившимися концепциями и исследуемым материалом является необходимой предпосылкой для дальнейшего более адекватного познания предмета. Из имеющихся исследований видно, что названные аксиомы уже исчерпали свои возможности. Содержащиеся в тюркологической литературе многочисленные наблюдения, гипотезы, догадки, а также интенсивные типологические исследования последних лет и работы о числе в других языках³, как нам кажется, являются реальным основанием для новых попыток осмысления категории числа.

Каковы же источники происхождения отмеченных выше аксиом? Признание формы без показателя *-lar* формой ед. числа, т. е. членом парадигмы категории числа, предполагает, что каждое имя всегда выступает в одной из форм этой категории. Но такое утверждение справедливо лишь для языков, где категория числа выполняет не только содержательные функции, связанные с количественным различием предметов, но также и формальную синтаксическую функцию согласования в числе существительных и согласуемых с ними слов (атрибутов и предикатов), которая делает категорию числа одним из средств образования синтаксических структур. Наличие обеих функций у категории числа особенно очевидно во флективных языках, представителем которых является, в частности, русский. Категория числа в этом языке в своей согласовательной функции является всеобъемлющей и охватывает не только все существительные, но и согласуемые с ними слова⁴. Именно эта функция обуславливает то, что каждое существительное без исключения формально стоит в одной из грамматических форм числа и, следовательно, существительное не в форме мн. числа выступает как форма ед. числа или с особым формантом, или с нулевым показателем, т. е. со значимым отсутствием форманта. На этой основе, создаваемой согласовательной функцией, зиждется формальная оппозиция «ед. число — мн. число».

Содержательная функция, основанная на количественном различении предметов и сводимая к квантитативной актуализации имени, имеет сравнительно узкую сферу применения, охватывающую лишь имена нарицательные и из них только такие, которые обозначают поддающиеся счету предметы⁵. Следовательно, эта функция реализуется далеко не во всех случаях употребления существительных в отличие от формальной функции, благодаря которой имя существительное во флективных языках не мыслится вне категории числа. Таким образом, числовая фор-

³ Настоящая работа в значительной мере базируется на концепции С. Д. Кацнельсона; см.: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 27—35, 73—77. См. также: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971; Г. П. Мельников, Языковая стратификация и классификация языков, в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969; его же, Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии, в кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971.

⁴ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 27—28; А. А. Реформатский, Число и грамматика, в кн.: «Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова», М.—Л., 1960, стр. 392—393.

⁵ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 28.

ма имени существительного в таких языках совсем не обязательно сигнализирует о его квантитативной актуализированности.

Изложенные особенности категории числа во флективных языках полностью оправдывают те положения, которые выше были определены нами как аксиоматичные, и согласуются с материалом, в частности, русского языка.

К тюркским языкам эти положения были бы применимы, если бы было показано, что в них категория числа имеет те же функции, что и во флективных языках. Однако в тюркском языкознании, наоборот, подчеркивается: «Синтаксическое же употребление множественного числа и его семантика подчиняются особым нормам, которые отличаются от норм русского и других индоевропейских языков»⁶.

Как известно, в тюркских языках категория числа не используется для организации или оформления связи слов, для соединения их в большие, чем слово, единства. Показатели этой категории нет оснований включать в число аффиксов с реляционными функциями. Именно поэтому в тюркологической литературе, насколько нам известно, никем не доказан согласовательный характер категории числа у имен, по крайней мере в сфере атрибутивных словосочетаний⁷.

В то же время тюркские языки имеют в сфере имен грамматические средства, отражающие количественные характеристики предметов, и, по-видимому, все исследователи едины в том, что с помощью аффикса *-lar* обозначается множество предметов.

Таким образом, тюркские грамматические средства выражения количества предметов отличаются от соответствующих средств флективных языков отсутствием у них формальной согласовательной функции, которая могла бы оправдать применимость к тюркским языкам вышеперечисленных аксиом. По-видимому, механизм функционирования этих средств должен быть иным по сравнению с флективными языками. Принятие этих аксиом в тюркском языкознании представляется переносом особенностей числа флективных языков на тюркскую языковую почву. Факты подобных переносов неоднократно отмечались в тюркологической литературе⁸. Таким образом, в тюркском языкознании, по-видимому, назрела необходимость при изучении категории числа отказаться от устоявшихся аксиом, навешенных грамматикой флективных языков, и продолжать разработку учения об этой категории как исключительно содержательной по своим функциям.

В настоящее время в литературе накоплен достаточный фактический материал, который отражает функционирование имен существительных в формах, имеющих отношение к категории числа. Главной задачей сейчас представляется более последовательное и адекватное осмысление уже известных фактов.

В предлагаемой работе предпринимается попытка объяснить тюркский механизм функционирования грамматических средств выражения количества, опираясь на изложенное выше понимание их функций.

Итак, из способности существительного без показателя *-lar* обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, следует сделать

⁶ Н. К. Дмитриев, указ. соч., стр. 65.

⁷ В настоящей работе не затрагивается вопрос об отношениях между подлежащим и сказуемым предложения с точки зрения категории числа.

⁸ См.: С. Н. Иванов, указ. соч., стр. 16—18; Э. В. Севортян, Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике, СТ, 1970, 3, стр. 7—9; Н. А. Баскаков, Основные задачи историко-типологического изучения грамматики тюркских языков, «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 81. Ср. также: Н. Н. Коротов, В. З. Панфилов, О типологии грамматических категорий, ВЯ, 1965, 1, стр. 46.

вывод, что оно само по себе «не выражает ни единичности, ни множественности»⁹, т. е. не несет никакой информации о количестве обозначаемых предметов. Так, из турецкого предложения, взятого вне контекста, — *Dün bizde misafir vardı* «У нас вчера был гость (или: были гости)» — слушающий не может заключить, идет ли речь об одном госте или о некоем множестве гостей¹⁰.

Если из контекста или из ситуации известно, что речь идет о некоем множестве обозначаемых предметов, оно может не получать никакого формального выражения у существительного. Обратимся к примеру: *Päs b i r j a v u z i ş l ü ' a v r a t ä v i n ä k o n u k o l d y , v ä o l ' a v r a t u ŋ f ä h i ş ä - k a r a v a ş l a r y v a r y d y , o l k a r a v a ş u ŋ b i r i s i j a v l a k x ü b i d i*¹¹ «Затем отшельник стал гостем в доме женщины, занимавшейся дурными делами. А у той женщины были рабыни легкого поведения; одна из тех рабынь была очень красивой». В этом отрывке количественная характеристика предметов, обозначаемых именами, выделенными разрядкой, совершенно очевидна, однако сочетания *ol 'avratuŋ* и *ol karavaşuŋ* соотносятся первое с единичным предметом, второе — со множеством предметов. Следует подчеркнуть, что существительные в этих сочетаниях актуализованы в плане соотносительности с конкретными предметами с помощью указательного местоимения *ol*, и тем не менее без показателей числа они индифферентны к количеству обозначаемых предметов.

Таким образом, в примерах подобного типа количественная характеристика никак не выводится из формы имени, а следует из контекста или общей речевой ситуации. Отметим, что нередко исследователи считают, что указательные местоимения подчеркивают значение единичности имен¹². Однако в сочетаниях с указательными местоимениями (см. пример), как и с аффиксами принадлежности, значения единичности или множественности выводятся из самой ситуации, но подчеркиваются местоимениями благодаря их выделительной функции, усиливающей любую характеристику предмета, в том числе и количественную.

Наиболее ярко индифферентность тюркского имени к квантитативной характеристике предметов проявляется в тех случаях, когда количество (множество) прямо выражается лексическим способом, т. е. с помощью числительных или слов-кванторов типа «много», «мало»: *beş kitap* «пять книг», *çok (az) kitap* «много (мало) книг», (см. об этом ниже, стр. 106 — 108).

Рассматриваемое свойство тюркского имени позволяет ему обозначать предмет в разных ситуациях: в одних он реально может быть уникальным, в других быть представленным единично или во множестве, в одних он определенный, в других — неопределенный. Но из соотносительности существительного с различными ситуациями совсем нельзя делать вывод о многообразии его значений и приписывать содержание ситуации семантике формы имени. Поэтому, например, приводимые Т. Ковальским пять значений слова *at* «лошадь» без показателя множественности¹³ представляют собой лишь обобщенные характеристики типов ситуаций, с которыми оно может соотноситься. Именно соотносимость одной формы со множеством ситуаций должна истолковываться как доказательство

⁹ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 33; ср.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 139.

¹⁰ См. аналогичные примеры: С. А. Соколов, Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями, СТ, 1970, 4, стр. 74—75; К. М. Любимов, указ. соч., стр. 81—82.

¹¹ A. Z a j a c z k o w s k i, Studja nad językiem staroosmańskim. I. Kalila i Dimna, Kraków, 1934, стр. 14.

¹² См., например: В. И. Сергеев, Лексический способ выражения множественности в чувашском языке, СТ, 1973, 3, стр. 5.

¹³ Т. К o w a l s k i, указ. соч., стр. 4.

ее индифферентности к этим типам ситуаций. Не принимая называемые Т. Ковальским пять случаев употребления формы без показателя множественности в качестве ее значений, нельзя тем не менее не видеть рационального зерна в утверждении автора, что «такая форма представляет собой «прежде всего родовое название (*Gattungsname*) без какого бы то ни было различия рода, числа и определенности» и что последние или в случае необходимости должны быть выражены с помощью особых языковых средств, или же должны выводиться из соответствующего контекста¹⁴. Здесь нельзя согласиться только с тем, что рассматриваемая форма имени «прежде всего» — родовое название, ибо имя индифферентно также и к тому, передает ли оно конкретный предмет или родовое название, что доказывается аналогичным ходом рассуждений.

По тем же причинам, видимо, следует отказаться от широко известных утверждений, что форма без показателя множественности имеет значения собирательности, неопределенной, или совокупной, или сплошной, или нечленимой множественности. Эти количественные характеристики предметов, несомненно, могут в определенных случаях выражаться этой формой, но отнюдь не входят в ее грамматическое значение.

Индифферентность формы существительного без показателя множественности к количественным характеристикам обозначаемых предметов обязательно предполагает наличие в языке специальных средств, которые при необходимости выражали бы эти количественные характеристики, т. е. как множество, так и единичность — объективные наиболее общие количественные различия предметов: один — не один. Поскольку в самой реальности отнюдь не все объекты поддаются счету, естественно ожидать, что и в тюркских языках механизм выражения количества предметов своему основному назначению отвечает лишь в сфере так называемых считаемых имен, которые «обозначают предметы, образующие счетное множество»¹⁵. Однако надо иметь в виду, что понятия считаемых и несчитаемых имен, по-видимому, в значительной мере относительны. Ведь известно, что и многие так называемые несчитаемые имена могут в отдельных случаях обозначать считаемые предметы и получать формы числа. Кроме того, понятия считаемых и несчитаемых имен применительно к тюркским языкам нуждаются в специальном уточнении, так как состав этих разрядов в некоторой степени зависит от языковой структуры¹⁶.

Аффикс множественности *-lar*, «известный на протяжении всей доступной изучению истории тюркских языков» и встречающийся «в различных фонетических вариантах во всех тюркских языках, за исключением чувашского языка, где ему функционально соответствует аффикс *-sem*»¹⁷, представляет собой единственное синтетическое морфологическое средство выражения релевантной для высказывания множественности предметов: *at + -lar* «лошади».

Представляется, что в качестве средства выражения релевантной единичности выступает слово *bir*, полифункциональный элемент, морфоло-

¹⁴ Там же. Аналогичные свойства имени, т. е. индифферентность к перечисленным значениям, отмечены в языках, не имеющих грамматической категории числа; см.: Н. J e n s e n, Die sprachliche Kategorie des Numerus, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock», Ges.-Sprachwiss. Reihe, Jg. 1, Hf. 3, 1951—1952, стр. 7—8; А. E r h a r t, Pluralformen und Pluralität, АО, 41(3), 1973, стр. 247—248.

¹⁵ С. Д. К а ц н е л ь с о н, указ. соч., стр. 28; см. также: С. Н. И в а н о в, указ. соч., стр. 45.

¹⁶ См.: О. Е с п е р с е н, Философия грамматики, М., 1958, стр. 217—218, 229—233.

¹⁷ А. Н. К о н о н о в, Показатели собирательности — множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд, Л., 1969, стр. 3, 29.

гический статус которого в сфере грамматического использования еще не получил в тюркском языкознании однозначной комплексной квалификации и нуждается в специальном рассмотрении. Выражение значения единичности путем определения имени существительного числительным *odin* представляет собой явление, известное исследователям ряда неиндоевропейских языков¹⁸.

Несомненно, что с решением вопроса о грамматическом статусе слова *bir* как выразителя единичности тесно связана интерпретация и самого грамматического механизма выражения количественных характеристик существительного в тюркских языках: либо признание в этих языках грамматической категории числа, либо признание в них лишь формы множественности с формантом *-lar*. Таким образом, в какой мере словосочетание «*bir* „один“ + существительное» в случае выражения с помощью этого сочетания единичности в современных тюркских языках является грамматикализованным, должно быть предметом специального рассмотрения на материале каждого конкретного языка. Есть две возможности: 1) в указанном качестве слово *bir* выступает как специальный грамматический показатель единичности; 2) это — числительное *odin*, которое используется для лексического выражения количества, подобно другим количественным числительным.

Рассмотрим вопрос о категории числа, исходя из посылки, что *bir* — грамматический показатель. В литературе указываются случаи грамматикализации *bir*, например, в качестве показателя неопределенности¹⁹, о чем свидетельствует утеря им собственного ударения и превращение в проклитику, ср. турецк. *bir év* «какой-то дом».

Показатели единичности и множественности составляют функциональный ряд морфологических средств, объединяемый их семантической соотносимостью, как выразителей количественных характеристик предметов²⁰. Именно только указанная функционально-семантическая общность позволяет отграничить значения единичности у *bir* и множественности у *-lar* в качестве их числовых категориальных значений от прочих значений этих показателей.

Но множество — понятие емкое. Исследователи пишут об определенном и неопределенном (совокупном), раздельном и нераздельном (сплошном), членимом и нечленимом, о распределенном, о тотальном множестве и т. д. Но и здесь следует отличать передаваемые формой ситуативные характеристики предметов от обязательно и всегда выражаемых ею, входящих в ее грамматическое значение обобщенных количественных значений, т. е. от грамматических значений формы с показателем *-lar*.

Если исходить из противопоставленности формы с *bir* и формы с *-lar* как выразителей количественных характеристик, логично полагать, что грамматическое значение последней противоположно значению единичности и представляет собою значение «счетного множества», понимаемого как

¹⁸ См.: А. Егһарт, указ. соч., стр. 248; Н. Јенсен, указ. соч., стр. 8.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 168; его же, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, стр. 75, 89; ср.: С. Н. Иваница, указ. соч., стр. 32. Использование *bir* в качестве показателя неопределенности в настоящей статье не рассматривается, хотя, вероятно, такое использование смыкается с его функционированием в качестве показателя единичности. В связи с этим не анализируются примеры типа *bir şeyler* «нечто, многое», *bir yerlerde* «где-то, кое-где» и т. п., в которых, по мнению авторов, *bir* выступает выразителем неопределенности.

²⁰ Ср.: «Мы предпочитаем определять морфологическую категорию как ряды словоформ, объединенных категориальной функцией» (С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 27).

не единичность считаемых предметов. По-видимому, это значение следует признать наиболее общим, присутствующим во всех случаях к а т е г о р и а л ь н о г о употребления этой формы. Но предпосылкой считаемости предметов является, с одной стороны, их «расчлененность, или, что то же, дискретность», а с другой — их качественная однородность, приравненность друг к другу в каком-либо отношении. Таким образом, счетное множество по своей природе р а з д е л ь н о, дискретно и состоит из однородных единиц²¹. Отсюда понятно, почему исследователи обнаруживают у показателя *-lar* значение так называемого раздельного, или членимого, множества, которое однако едва ли является его основным значением. Раздельность, или членимость, это прежде всего свойства, присущие самому с ч е т н о м у м н о ж е с т в у, обозначение которого и составляет, по-видимому, категориальное значение этого показателя. Из сказанного вытекает, что поскольку расчлененность производна от значения счетного множества, грамматическое значение тюркской категории числа едва ли сводится к противопоставлению значений «расчлененность — нерасчлененность (совокупность)». С изложенных позиций вызывает также сомнение утверждение, что показатель *-lar* в обозримой истории тюркских языков имел некогда значение абстрактной собирательной множественности²².

Прочие значения рассматриваемых показателей, хотя и являются близкими значениям единичности — множественности, представляются лежащими вне этой категории. Иными словами, только своими соотносимыми значениями единичности и множественности *bir* и *-lar* объединяются как ряд морфологических показателей грамматической категории числа, работающей исключительно в сфере считаемых имен. Из сказанного вытекает, что т ю р к с к а я категория числа ограничивается, с одной стороны, указанным семантическим содержанием ее показателей, с другой — семантическим полем имен, обозначающих считаемые предметы, поэтому анализ этой категории с необходимостью предполагает учет отмеченных границ.

Исключительно содержательный характер форм единичности — множественности, конституирующих категорию числа, их ориентация на выражение реальной единичности или множественности обуславливает следующий механизм их функционирования: в каждом случае использования формы для передачи количественной характеристики предметов она отражает реальную единичность или множественность, но не наоборот, ибо реальные количественные характеристики предметов не обязательно выражаются с помощью *bir* и *-lar* и даже вообще не обязательно эксплицируются в высказывании, как в примере на стр. 101. В случаях, когда количественная информация выражена лексическими средствами или выводится из ситуации, контекста и т. д., использование этих показателей с точки зрения механизма языка становится избыточным. Вследствие этого они или оказываются факультативными, или могут употребляться только в ином значении (см. например, стр. 108). Факультативными они могут быть также и тогда, когда количественные характеристики

²¹ С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 28. Ср. также: А. Супрун, Б. Норман, Историко-типологическая характеристика на някои граматически категории, «Език и литература», 1974, 3, стр. 43.

²² См., например: К. Грёнбёх, Der türkische Sprachbau, Kopenhagen, 1936, стр. 57—83; Б. А. Серебряников, Существовали ли в протоуральском языке именные классы, ВЯ, 1969, 3, стр. 12—23; его же, О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках, СТ, 1970, 1, стр. 49—53; А. М. Щербак, Формы числа у имен в тюркских языках, ВЯ, 1970, 3, стр. 96—99.

предметов несущественны для сообщения²³. В тех же случаях, когда эти показатели выступают как единственные средства выражения квантитативной характеристики — при наличии необходимости в выражении последней — их употребление обязательно.

По-видимому, механизм функционирования *bir* и *-lar* как показателей единичности и множественности не может быть правильно понят, если их не осознавать как морфологические средства квантификации, существующие наряду с другими средствами, к которым прибегает язык. Так, поскольку высказывание *Dün bizde misafir vardı* «У нас вчера был гость» (или: «были гости») не несет количественной информации, последнюю можно передать следующими фразами: а) *Dün bizde beş (az, çok) misafir(ler) vardı* «Вчера у нас было пять (мало, много) гостей»; б) *Dün bizde bir misafir vardı* «Вчера у нас был один гость»; в) *Dün bizde misafirler vardı* «Вчера у нас были гости».

В примере (а), где для выражения количественной информации использованы лексические средства, показатель *-lar* как показатель множественности избыточен. В примерах (б) и (в) рассматриваемые показатели являются единственными выразителями количества и не могут быть опущены без нарушения смысла.

Следует также иметь в виду, что и в сфере считаемых имен категория числа не всегда является релевантной. В случае актуализации отвлеченно-предметных или предметно-качественных значений существительного эта категория оказывается иррелевантной в силу принципиальной несовместимости количественных представлений с этими значениями²⁴. При таком употреблении имя не может получать показателей единичности — множественности, примером чего являются компоненты — определения изафетных конструкций I типа (*taş bina* «каменное здание»). Попутно заметим, что в изафете II компонент-определение может выступать и в тех, и в других значениях, поэтому в случае актуализации конкретно-предметных значений он может выступать в форме множественности (ср. в турецком языке: *demir yolu* «железная дорога», но *ressamlar cemiyeti* «общество художников») ²⁵. Во втором примере форма множественности, по-видимому, может рассматриваться как средство обозначения класса предметов «в совокупности его элементов»²⁶.

Класс предметов может быть представлен не только множеством составляющих его единиц, но и понятием, основанным на наиболее общих признаках предмета, т. е. именем в отвлеченно-предметном значении, при котором количественные характеристики иррелевантны. Именно поэтому в случаях, когда компонент-определение обозначает класс предметов, он может представлять собою имя как с показателем множественности, так и без показателя и вне категории числа: ср. турецк. *Sovyetler Birliği* «Советский Союз ~ Союз Советов» и *Sovyet ülkesi* «Страна Советов ~ Со-

²³ Разумеется, в зоне факультативности показатели под влиянием языков иного строя могут в современных тюркских языках использоваться с повышенной частотностью, как, например, *-lar* у имен с числительными больше одного в азербайджанском и караимском языках, где этот аффикс, по-видимому, не приобретает дополнительных значений. См.: Т. К о w a l s k i, указ. соч., стр. 2; «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», М., 1969, стр. 36, 44, 94; «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», М., 1973, стр. 299—301.

²⁴ См.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности — неопределенности, СТ, 1971, 5, стр. 22—23.

²⁵ См.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, О соотношении типов изафета в турецком языке, в кн.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», М., 1972, стр. 183.

²⁶ С. Д. К а ц н е л ь с о н, указ. соч., стр. 31.

ветская страна». Вполне вероятно, что предпочтительность того или иного варианта определяется фактами не грамматического, а стилистического или узуального порядка. Здесь следует напомнить мнение С. Д. Кацнельсона, что «функция выделения родовых понятий противоречит основной функции форм числа», ибо «при выделении родовых понятий формы числа теряют свое актуализирующее свойство...»²⁷. Так что границы категориального использования формы множественности, возможно, еще более узкие, чем те, которые были определены выше. Во всяком случае, недостаточно сказать, что категория числа ограничивается семантикой показателей и сферой имен, обозначающих считаемые предметы. В сфере последних она релевантна лишь в зоне их конкретно-предметных значений.

Представляется, что взаимоотношения формы единичности и множественности, с одной стороны, и формы без показателя, с другой, могут служить примером асимметричности соотносительных грамматических форм, когда маркированный член соотношения выражает некий признак, который немаркированный член оставляет невыраженным²⁸. В нашем случае как форма единичности, так и форма множественности, каждая в отдельности, выступает по отношению к форме без показателей как маркированный член. Последняя оставляет невыраженными количественные признаки предметов²⁹. Графически данное соотношение можно представить так:

at Форма без показателей, немаркированный член	<i>bir at</i> Форма единичности <i>atlar</i> Форма множественности	} Формы с показателями категории числа, маркированные формы
--	---	---

Но основой соотносительности форм *at* — *bir at* — *atlar*, ввиду держательного характера тюркской категории числа, может быть только лексическое значение существительного. И отсутствие показателей в форме *at* означает отсутствие у нее количественных значений и наличие только номинативного содержания. В таком же флективном языке, как русский, формы *конь* — *кони* соотнесены не только на основе общего лексического значения, но и на основе формально-грамматической функции обеих форм. Отсутствие показателя мн. числа в форме *конь* является, в отличие от тюркской формы, значимым: оно, с одной стороны, сигнализирует о принадлежности этой формы к одному из двух типов согласующих классов (синтаксически значимая форма ед. числа), с другой, выступает потенциальным выразителем единичности предмета³⁰, которая, как отмечалось, может быть и релевантной, и нерелевантной для высказывания.

Таким образом, формы без показателей мн. числа во флективных языках и в агглютинирующих (таких, как тюркские) предстают в совершенно разных качествах. Если к первым, для которых характерны словоизменительные категории, имеющие обязательное применение, приложимо положение: «Появление в языке хотя бы одной материально выраженной словоизменительной формы автоматически приводит к осознанию противостоящей ей основной формы слова как обладающей добавочным

²⁷ Там же.

²⁸ R. J a c o b s o n, Zur Struktur des russischen Verbums, «Readings in linguistics», II, Chicago — London, 1966, стр. 22—23.

²⁹ Ср.: М. А. К у м а х о в, Число и грамматика, ВЯ, 1969, 4, стр. 69; А. Е г h a r t, указ. соч., стр. 248.

³⁰ См.: «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 322—323.

грамматическим значением (нулевая форма)»³¹, то в отношении тюркских языков о нулевой форме какой-либо категории, видимо, правомерно говорить «...лишь в том случае, если такая нулевая форма выражает одно из тех частных значений этой грамматической категории, которые не выражаются ни одним из ее специальных показателей»³². В русском языке слово типа *конь* — это форма ед. числа с нулевым показателем. Но поскольку форма *at* не несет какой-либо количественной информации, т. е. не имеет сама по себе категориального значения числа и не выполняет согласовательной функции, то, очевидно, ее нельзя рассматривать в качестве нулевой формы категории числа³³.

Анализ различий в механизме категорий числа во флективных и агглютинирующих языках еще раз подтверждает мысль, что свойства той или иной категории находятся в прямой зависимости от особенностей строя языка³⁴. Говоря об этом, можно также указать на наличие в русском языке так называемых *pluralia tantum*, слов со «связанной», лексикализованной формой числа, которых нет в тюркских языках. Существование *pluralia tantum* обусловлено согласовательной функцией русской категории числа, которой не имеет тюркская категория числа³⁵ и, насколько нам известно, исследователи тюркских языков не отмечают случаев лексикализации форм множественности.

Итак, то, что называют категорией числа в тюркских языках, имеет исключительно содержательный характер и в своей категориальной семантике «единичность — множественность» функционирует в сфере считаемых имен, выступающих в конкретно-предметных значениях. Естественно полагать, что иное использование показателей *bir* и *-lar* находится за пределами собственно квантитативной характеристики предметов и может рассматриваться как не категориальное³⁶. Ниже будет показано, что этот вывод в общем справедлив, хотя здесь, по-видимому, неизбежны уточнения, если учитывать отмеченную выше неразработанность вопроса о границах между считаемыми и несчитаемыми именами применительно к тюркским языкам.

В тюркологической литературе описаны многочисленные случаи использования аффикса *-lar* с несчитаемыми именами³⁷, т. е. именами вещественными и абстрактными, а также с именами, обозначающими единственные в своем роде предметы, со словами, имеющими «плюримальное зна-

³¹ Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 37.

³² Там же, стр. 42—43.

³³ Авторы настоящей работы ранее придерживались широко распространенной в тюркологии точки зрения о нулевом показателе числа в *at*. См.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного..., стр. 23.

³⁴ См., например: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 210 и сл.; Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 37; «Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения 1973). Тезисы докладов», М., 1973.

³⁵ См.: С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 29; А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 391—393; ср.: А. Н. Конанов, Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 67.

³⁶ Использование терминов «категориальные» и «некатегориальные» значения является чисто условным и преследует единственную цель ограничить значения рассматриваемых показателей, в которых они выступают в случае выражения единичности и множественности, от их прочих значений. По-видимому, возможно использование в этом смысле иных терминов.

³⁷ См.: Т. Ковальски, указ. соч., стр. 8—22; Н. К. Дмитриев, указ. соч., стр. 68—70; А. Н. Конанов, Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 68—71; А. Н. Конанов, Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 78—81; С. Н. Иванов, указ. соч., стр. 40—44 и др.

чение»³⁸, с именами собственными. Обозначаемые такими именами предметы в принципе не нуждаются в количественных характеристиках. Поэтому употребление таких имен с показателем *-lar* воспринимается либо как следствие некоторого изменения лексического значения слов, которое, по всей вероятности, происходит в результате столкновения семантики несчитаемых имен с идеей множества, либо как реализация иных значений показателя *-lar*, родственных значению множественности.

В качестве примеров назовем случаи выражения таких значений, как: 1) различных сортов, разновидностей вещества: кирг. *жүйүчү майлар* «горючие масла»; 2) обилия вещества: турецк. *sokağın tozları içinde* «в сплошной уличной пыли» (из примеров А. Н. Кононова); 3) распределенности в пространстве: *suvarlar akar* «вода течет в разных местах» (из примеров Т. Ковальского); 4) интенсивности свойств обозначаемых именем явлений: турецк. *uzun sıkıntılar içinde* «в томительной тоске», *karanlıklar içinde* «в непроглядной темноте» (из примеров А. Н. Кононова); 5) «расширения рамок пространственных и временных понятий», приблизительности: турецк. *yükseklerde* «[где-то] на большой высоте», *hafta başlarında* «[примерно] в начале недели»³⁹; 6) ласкательных значений: башк. *кояш-кайларым* «мое солнышко»⁴⁰; 7) почтительности, вежливости, уважения: турецк. *paşa hazretleri* «его превосходительство паша» (из примеров С. А. Соколова); узб. *бузимнинг беллари оғрияпти* «У моей бабушки болит поясница» (из примеров А. Н. Кононова).

Напомним также, что имена собственные с показателем *-lar* способны обозначать лиц, сравниваемых с лицом, которое называется (узб. *Новоийлар* «такие поэты, такие люди, как Навои», из примеров А. Н. Кононова), или обозначать семью именем одного из ее членов (узб. *Рахимовлар* «Рахимовы», из примеров А. Н. Кононова). Аффикс *-lar* при именах с количественными числительными или иными кванторами, и возможно, при личных местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа, являясь излишним с точки зрения выражения множественности, также выступает в одном из своих других значений — как средство подчеркивания индивидуальности, уникальности и своеобразия каждого предмета, включаемого в данное множество⁴¹; турецк. *yedi Meş'aleciler* «семь писателей, объединившихся вокруг журнала „Факел“» (из примеров А. Н. Кононова); турецк. *giderek, sadece saflarımıza katılmakla kalmadılar b i z l e r e de destek oldular* (Che Guevara, Savaş anıları, İstanbul, 1968, стр. 213) «Со временем они [крестьяне] не только вошли в наши ряды, но и стали для нас опорой»; ст.-узб. *іч оқлар сол болсунлар* «Три стрелы пусть полетят в левую сторону» (из примеров С. Н. Иванова).

Перечисление всех случаев категорического использования показателя *-lar* и их осмысление не входят в задачу настоящей статьи и должны быть предметом специального исследования. Отметим, что тюркские языки в этой сфере следуют общезыковой типологии, что подтверждается сравнением с аналогичными явлениями в других языках мира⁴².

Разумеется, сферу категорического (с точки зрения категории числа) использования имеет также и форма единичности, которая, однако, пока

³⁸ Т. К о w a l s k i, указ. соч., стр. 15—16.

³⁹ С. А. С о к о л о в, указ. соч., стр. 78—79.

⁴⁰ Н. К. Д м и т р и е в, указ. соч., стр. 70.

⁴¹ См.: А. Н. К о н о н о в, Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 68, 70—71; С. Н. И в а н о в, указ. соч., стр. 39—40.

⁴² Ср.: В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, 2-е изд., М., 1972, стр. 131—138; О. Е с п е р с е н, указ. соч., стр. 220—233; С. Д. К а ц н е л ь с о н, указ. соч., стр. 29—31.

не привлекалась к рассмотрению в интересующем нас аспекте⁴³. По-видимому, слово *bir* как один из кванторов должно вызывать у несчитаемых существительных смещение лексических значений того же порядка, что и показатель *-lar*, хотя и противоположное по знаку. Если *-lar* у имен с вещественным значением может выражать различные сорта, разновидности вещества или его обилие, то *bir*, способно, в частности, указывать на небольшое, ограниченное количество вещества: ср. турецк. *bir çay içmek* «выпить стакан чаю», ...*bir rakımızı iç bari* «выпей хоть рюмочку раки с нами»; на вещество одного определенного рода, с конкретными характеристиками, вытекающими из его отношений с данной ситуацией: турецк. «*kâh esmer derisini şişiren bir kan gözlerinin kenarına kadar fırılıyor, kâh dişlerinin arasında ezilen dudakları bile bembeyaz oluyordu*» (S. Ali) «То кровь [отчаяния], вздувавшая его смуглую кожу, заливала [все его лицо] до самых уголков глаз, то даже его губы, зажатые зубами, становились совершенно белыми...» (последние два примера авторам любезно предоставил С. Н. Иванов).

Отметим наряду с этим, что есть случаи использования показателей *bir* и *-lar* в качестве показателей субстантивированности слова. Например: турецк. *büyükler* «взрослые» (от *büyük* «большой, старший»), *gençler* «юноши», и *bir genç* «молодой человек» (от *genç* «молодой, юный»).

Таким образом, показатели *bir* и *-lar*, каждый в отдельности, используются в разнообразных функциях. На фоне этого функционального многообразия их употребление для выражения единичности и множественности предстает как ограниченная узкими рамками сфера категориального использования.

Предложенная выше интерпретация тюркской категории числа основывается насылке, что *bir* — грамматический показатель единичности. Необходимо также учитывать возможность решения интересующей нас проблемы, исходя из второй из упомянутых выше допустимых посылок: слово *bir* в интересующей нас функции — числительное «один».

Действительно, есть основания думать, что грамматические функции у слова *bir* вторичны и сформировались на базе его исконной лексико-грамматической сущности как числительного «один». Эти грамматические функции могли возникнуть в ходе исторического развития тюркских языков, и, следовательно, можно себе представить такое состояние этих языков, когда *bir* совершенно не использовалось как грамматическое средство.

Если исключить слово *bir* из арсенала грамматических средств, то придется признать, что аффикс *-lar* оказывается единственным морфологическим показателем, служащим для выражения количества предметов, а другие средства не грамматичны. Поскольку понятие категории предполагает наличие минимум двух форм, составляющих функциональный ряд, то у нас не будет оснований говорить о грамматической категории числа. Можно лишь говорить о форме множественности с показателем *-lar*.

Механизм выражения языком количественных характеристик выглядит в таком случае следующим образом. Основная форма индифферентна к количеству обозначаемых предметов; множество при необходимости

⁴³ Ср., например: Т. М. Жабоев, О слове *бир* (один) в караево-балкарском языке, «Вестн. Кабард.-Балкарск. НИИ», 2, Нальчик, 1970; А. Бекбергенов, «Бир» сандыгының мәңгилери ҳәм қолланылыуы, в кн.: «Исследования по каракалпакскому языку», Нукус, 1974; Н. И. Петягина, Слово *бир* в тувинском языке, «Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ», 16, Кызыл, 1973; А. А. Беглярбекова, Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова *бир* в современном азербайджанском языке. АҚД, М., 1971.

может передаваться специальным грамматическим показателем *-lar*, а единичность, как и другие конкретные количества, лексическим способом, т. е. с помощью числительного.

Такое положение для тюркских языков не должно казаться необычным, ибо оно имеет многочисленные типологические параллели в языках изолирующего и агглютинирующего строя, например, в китайском, японском, классическом тибетском, бирманском, индонезийском, нивхском⁴⁴.

Итак, исходя из первой посылки, мы пришли к выводу о том, что тюркская категория числа конституируется функциональным рядом форм с *bir* — *-lar*. Исходя из второй посылки, заключаем, что речь может идти не о категории числа, а лишь о форме множественности.

Представляется, что оба вывода не исключают друг друга, а справедливы для разных этапов эволюции тюркских языков. На более ранних этапах могла наличествовать лишь форма множественности, которая позднее стала членом функционального ряда, возникшего в результате приобретения числительным *bir* свойств грамматического показателя. Возникновение у *bir* этих свойств могло быть связано с становлением семантической оппозиции «единичность — множественность» в условиях наличия морфологического способа выражения множественности (*-lar*) и индифферентности основной формы к количественным характеристикам предметов.

Из сказанного ясно, что при реконструкции праязыкового состояния нельзя исключать вероятности описанного пути развития. Простая интерполяция форм «единственного» и «множественного» числа в традиционном понимании в праязыковое состояние едва ли правомерна.

Изложенная интерпретация тюркского языкового механизма выражения количества представляет собой попытку вскрыть важнейшие и универсальные свойства этого механизма, которые вытекают из особенностей строя тюркских языков как языков агглютинирующих. Описанный механизм, вероятно, реализуется в конкретных языках с разной степенью полноты, что определяется тем, насколько тот или иной язык сохраняет в неприкосновенности исконно тюркские черты своей грамматики, прежде всего в сфере значений грамматических форм. Известно, что тюркские языки в течение многих веков подвергались и подвергаются влиянию языков иного строя. Такое влияние, вторгаясь в сферу семантики грамматических форм, не могло не приводить к изменениям их функциональных свойств. Поэтому авторы отдают себе отчет в том, что в каждом языке механизм выражения количества будет несколько отличен от описанного. Но адекватное описание его немыслимо без вскрытия его исконной природы и выяснения тех идиоэтнических черт, которые возникли под воздействием конкретных условий развития языка. Чем древнее тюркский языковой памятник, тем больше вероятность обнаружить в нем этот механизм и тем более своеобразным последний будет казаться на фоне состояния современных языков. Не случайно исследователи отмечают, что в языке древнейших тюркских памятников — орхоно-енисейских — показатели числа

⁴⁴ См.: С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 33—35; Н. Јенсен, указ. соч., стр. 7—8; см. также: А. А. Холодович, Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке, «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, 10, 1946; Р. О. Шор, Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, М., 1945, стр. 117; Ю. М. Парфионович, Тибетский письменный язык, М., 1970, стр. 68—70; Р. А. Янсон, Служебные слова при имени существительном в бирманском языке. АКД, Л., 1968, стр. 8—9; К. Kaden, Der Ausdruck von Mehrzahlverhältnissen in der modernen chinesischen Sprache, «Schriften zur Phonetik. Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 9, Berlin, 1964, стр. 18—32, 124—129, 208—216; В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 40, 91—93, 97—101.

используются крайне редко. Тем не менее и в современных языках исконно тюркский механизм выражения количественных характеристик предметов отчетливо дает о себе знать в многочисленных случаях употребления формы существительного без показателей *bir* или *-lar* при выражении единичности или счетного множества.

Принципы, положенные в основу этой отличной от традиционной интерпретации тюркского языкового механизма выражения количественных характеристик у имен существительных и находящиеся, по мнению авторов, в соответствии с типологическими особенностями агглютинативных языков, могут оказаться полезными и при последующем осмыслении других явлений, категорий тюркской грамматики (возможно, таких, как соотношение форм действительного и косвенных залогов, изъявительного и косвенных наклонений и др.).